

Первое прохождение:

— Бельмо? — испуганно воскликнул кто-то поблизости. Среди зевак были и дети, и взрослые.

Если бы так выразился ребенок, это еще можно было бы понять — в конце концов, малыши еще ничего не смыслят в жизни, и то, что они вообще знают слово бельмо, уже говорит о широком кругозоре. Но когда взрослые тоже несут подобную чушь... Кхе. Бельмо вовсе не означает, что весь глаз целиком становится белым. Это не катаракта, это съемки фильма ужасов. У настоящего бельма на глазном яблоке тоже есть черная часть, просто в зависимости от тяжести заболевания черная область может уменьшаться или увеличиваться. К тому же белый цвет бельма — совсем не то же самое, что белок глаза. В глазах пациента можно четко различить три цвета: белок, черный и белый.

Белый цвет тоже бывает разным, со своими оттенками и глубиной. Конечно, какому-нибудь заурядному мужлану покажется, что белый — он и в Африке белый. Если бы во всем мире существовал всего один-единственный оттенок белого, это было бы даже неплохо: по крайней мере, не приходилось бы переживать, что заказываешь в интернете белоснежную футболку, а получаешь грязно-молочную.

С точки зрения Лу Цзяньяна, белые глаза мальчика больше напоминали серебристый дымчатый оттенок и резко контрастировали с белками.

Не зная, как еще это описать, Лу Цзяньян в конце концов подобрал относительно наглядное сравнение:

— Трехмерная версия бякугана клана Хьюга.

— Бякуган? — озадаченно моргнул Толстячок Лоу, выражая всем своим видом непонимание.

— Огн... — Лу Цзяньян только начал говорить, как вспомнил, что манга Наруто, которую в его прошлой жизни шутливо называли величайшей народной мангой, в те годы, когда он сам ходил в детский сад, еще даже не была создана. Ах, раз она еще не написана, не значит ли это, что он может заранее вложиться в проект и даже воспользоваться небольшим влиянием, чтобы мангака не смел убивать его любимого персонажа?!

Наверное, сработал перенос чувств, заставивший Лу Цзяньяна заступиться за этого беловолосого ребенка.

Нет-нет, Лу Цзяньян заставил себя сосредоточиться на настоящем.

У уменьшения возраста имелись свои минусы: Лу Цзяньян то и дело замечал, что его эмоциями далеко не так просто управлять, как во взрослой жизни, когда он уже прошел огонь и воду. Но по крайней мере, держать себя в руках он все еще был способен.

Лу Цзяньян не помнил, была ли у того беловолосого мальчика, которого он встретил в детстве, такая же пара белых глаз, но он мог дать стопроцентную гарантию...

Тот ребенок не вел себя с ним так безумно восторженно, как сейчас.

Беловолосый мальчик высоко задрал руку и помахал Лу Цзяньяну. Ему потребовалось меньше десятой доли секунды, чтобы сменить с бесстрастного выражения лица на сияющую улыбку — словно таял снег или распускались весенние цветы, а черты его лица были поистине прекрасны. Он изо всех сил махал рукой, будто они с Лу Цзяньяном были старыми добрыми

друзьями.

Лу Цзяньяна застали врасплох. Он неуверенно тыкнул пальцем в собственную грудь: это ты мне машешь?

Увидев, что Лу Цзяньян откликнулся, беловолосый мальчик обрадовался еще сильнее. Его и без того серебристо-ледяные глаза вспыхнули так ярко, будто в них зажглись искорки, и казалось, что вокруг него вовсю летают розовые сердечки. Мало того, он совершенно отчетливо выкрикнул имя Лу Цзяньяна:

— Яньянь!

Словно ранневесенняя дымка над ивами в пору обманчивого тепла и холодов; едва встретившись с ним взглядом, он смотрел на него так, будто они были возлюбленными после долгой разлуки, и в его глазах больше не существовало никого вокруг.

Лу Цзяньяна передернуло: черт побери, еще один ходячий квест!

Судя по этому вычурному образу, чересчур страстному и раскованному поведению, а главное — появлению в столь подозрительный момент, можно ли найти какое-то иное объяснение, кроме как то, что перед ним Исполнитель задания?!

Других вариантов просто не было!

Что, теперь в ход пошла линия с другом детства?

Решил сыграть на его любви к аниме-персонажам, чтобы первыми привлечь внимание и вызвать эмоциональный отклик?

Ха!

Лу Цзяньян, не раздумывая ни секунды, отвернулся и потащил за собой Лоу Дэнсяня, который всё еще грезил ледяным принцем, собираясь уходить. В этот момент ему оставалось лишь делать вид, что наглеца не существует, иначе он не удержался бы от драки — даже натянутая вежливость казалась непозволительной роскошью.

Пожалуй, под влиянием первого встреченного Исполнителя задания Лу Цзяньян больше всего на свете ненавидел методы оболыщания, построенные на игре в его предпочтения, — это казалось ему едва ли не личным оскорблением. По его мнению, если бы он и смог полюбить кого-то, то полюбил бы саму личность этого человека, а не разделение общих хобби.

Лу Цзяньян понимал, что рассуждает предвзято, но ничего не мог с собой поделать, да и не собирался пытаться.

Заметив, что Лу Цзяньян разворачивается и уходит, беловолосый мальчик мгновенно запаниковал. Вырвавшись из рук учителя, он изо всех сил бросился к Лу Цзяньяну. Подбежав, мальчик оттолкнул Лоу Дэнсяня и крепко обхватил Лу Цзяньяна руками. От него повеяло прохладным, резким ветерком, и он с каждой секундой сжимал объятия всё сильнее, словно желая слиться с Лу Цзяньяном воедино.

Однако выражение утонченного лица мальчика разительно отличалось от его напористого поступка — в глазах читалась такая обида, будто предали именно его:

— Яньянь, почему ты меня игнорируешь?

— ...Мы знакомы? — Лу Цзяньян тоже растерялся. Обычно, когда Исполнитель задания приближался к нему ближе чем на метр, он сразу «видел» привязанную к нему Систему, но сейчас они стояли вплотную, а Системы не наблюдалось.

Неужели он ошибся? Или появился еще более искушенный Исполнитель задания со спрятанной Системой?

— Я же живу прямо по соседству с тобой, Яньянь! Меня зовут Яо Ухуань, папа сказал, что при встрече мы сразу станем лучшими друзьями! — выпалив это, Яо Ухуань для убедительности согласно кивнул и с полнейшим ожиданием уставился на Лу Цзяньяна. — Мы же теперь лучшие друзья?

— А! — дошло до Лу Цзяньяна. Судя по всему, отец все-таки устроил ему ту проклятую встречу детишек, причем родители того ребенка оказались еще безумнее — с порога заявили сыну, что тот непременно подружится с соседом Лу Цзяньяном.

И чем все закончилось?

Разумеется, оттолкнутый Лоу Дэнсянь стерпеть такого не мог! Пусть Яо Ухуань был вдвое уже Лоу Дэнсяня, силой малыш обладал немалой — от того толчка у Толстячка онемела рука. С трудом поднявшись с земли, пухлик залился слезами и попытался оттащить Яо Ухуань. Сейчас его уже совершенно не волновали никакие ледяные принцы: страх потерять друга затмил всё остальное.

Пылая враждебностью, Толстячок Лоу заорал на Яо Ухуаня:

— Яньянь — мой лучший друг! Отпусти его! Ты же делаешь ему больно!

Яо Ухуань тоже проявил детское упрямство: вцепившись мертвой хваткой в Лу Цзяньяна, он ни за что не хотел его отпускать, а на лице его застыло живое, но непреклонное выражение:

— Ни за что не отпущу! Яньянь — мой!

Будучи объектом спора, Лу Цзяньян мысленно отметил, что ничьей собственностью становиться не намерен — спасибо большое, он принадлежит только самому себе.

В конце концов этот балаган прекратился благодаря вмешательству воспитательницы. Лу Цзяньян, зажатый между двумя мальчишками и держа каждого за руку, был отведен в сторону для выяснения обстоятельств.

Например: кто этот новенький мальчик? Почему он в их детском саду? Знаком ли Яньянь с его родителями?

Лу Цзяньян: ...Оказывается, вы до самого полудня понятия не имели, кто это? Тогда почему вы так спокойно забрали ребенка у водителя и таскали его за собой всё это время?!

Воспитательница тоже была на грани нервного срыва. Ранее заведующая предупредила ее, что сегодня ожидается перевод ученика, но из-за спешки ребенку еще не успели изготовить индивидуальную пропускную карточку. Заведующая лишь велела дежурным воспитателям на входе проявить бдительность. И тогда учительница столкнулась с суетливым водителем и миловидным мальчиком подходящего возраста. Водитель заявил, что у него срочные дела, и,

оставив ребенка, быстро уехал. Заметив роскошную машину и брендовые вещи мальчика, воспитательница автоматически приняла его за новенького.

Разве могла она предположить, что Яо Ухуань — вовсе не тот самый ребенок, а настоящий новенький с родителями уже сидит в кабинете заведующей?

Но водителя Яо Ухуаня и след простыл, а сам мальчик толком ничего объяснить не мог: он только что вернулся из-за границы в Пекин, и хорошо, если базовое знание языка у него еще как-то держалось.

Бросить ребенка на произвол судьбы воспитательница не могла, поэтому ей пришлось взять Яо Ухуаня с собой и уже потом думать, как разыскать его родителей.

На беду, нашелся Лу Цзяньян, который вроде бы знал Яо Ухуаня как соседского мальчика, но на деле даже не представлял, какая у соседей фамилия.

Яо Ухуань на все вопросы отвечал одинаково — ничего не знаю, ничего не помню, будто бы совершенно не владел китайским, обронив лишь напоследок, что его отца зовут Цезарь.

Лу Цзяньян упорно чувствовал, что Яо Ухуань говорит неправду. Простейшим доказательством служило то, что ребенок прекрасно и свободно общался с ним по-китайски, так почему же стоило воспитательнице задать вопрос, как он тут же делал вид, будто ничего не понимает?

Была и еще одна странность. Стоило Яо Ухуаню вместе с Лоу Дэнсянем сходить в туалет, как грозный защищающий свою добычу тигр Лоу Дэнсянь мгновенно превратился в притихшего, запуганного котенка, который обходил Яо Ухуаня стороной, словно тот был каким-то жутким монстром, способным в любой момент принять истинный облик. Подобное поведение никак не вязалось с буйным нравом привыкшего всё позволять себе Толстячка Лоу.

И при этом взгляд, которым Яо Ухуань смотрел на Лу Цзяньяна, оставался кристально чистым и послушным. Помимо странноватой привязанности к Лу Цзяньяну, в нем не замечалось никаких вопиющих выходок или поступков, выходящих за рамки поведения обычного ребенка.

На его лице буквально крупными буквами было написано: Я безвреден для людей и животных.

— Яньян? — стоило Лу Цзяньяну взглянуть на него, как Яо Ухуань приходил в неописуемый восторг, искренне сияя от счастья и радости.

(Примечание: дабы те, кто не читает слова автора, были в курсе: Вплоть до второй недели Учитель Ли так и не вернулся, а его ребенок Ли Сян в один прекрасный день тоже внезапно исчез. Словно они никогда и не существовали, будто стерли какого-то персонажа из картины, и никто их больше не помнил.

Раньше Лу Цзяньян уже сталкивался с подобным, поэтому, даже не зная принципа работы, он ничуть не паниковал.

Лу Цзяньян так и не смог прийти к соглашению с Яо Ухуанем по поводу сотрудничества. Он не мог толком объяснить почему — просто срабатывало шестое чувство: ему казалось, что Яо Ухуань гораздо опаснее, чем показывает, невероятно опаснее.

Терпение Яо Ухуаня пока еще не иссякло, поэтому они так и тянули время: днем вместе ходили

в детский сад, а по ночам тайком встречались.

В ходе частых встреч Лу Цзяньняню удалось успешно разгадать еще одну загадку: как именно Яо Ухуаню удавалось тайком пробираться в поместье семьи Лу?

Ответ: конечно же, потому что кто-то ему помогал.

Каким бы могущественным ни был Яо Ухуань, ему исполнилось всего шесть лет, и с такими короткими ручками и ножками, еще не догнавшими ростом Лу Цзяньняня, он явно не мог переворачивать мир вверх дном. Семья Лу тоже не была местом, куда кто попало мог приходить и уходить когда вздумается — лишь благодаря какой-то тайной тропе. Если бы в их дом действительно было так легко ребенку проникать туда и обратно несколько раз, то вся команда телохранителей семьи Лу могла бы дружно подать в отставку.

Главным образом Яо Ухуань полагался на профессиональную помощь со стороны семьи Яо, а еще... на попустительство родителей с обеих сторон. Рассуждая здраво, можно было понять родителей Семьи Яо: из-за болезни сына они баловали его донельзя. Но папа Лу и мама Лу? Они ведь не шутили, правда? Лу Цзяньнянь чувствовал себя глубоко потрясенным. Папа Лу ещё куда ни шло, но представить, что в этом замешана и мама Лу, было просто невозможно! Будучи сыном, выросшим под суровой материнской любовью, Лу Цзяньнянь, проявив изрядную долю мазохизма, был вынужден признать: здесь явно кроется какой-то подвох!

Кроется ли?

Конечно, кроется!

С тех пор как в прошлый раз маму Лу вызвали к директору детского сада, она начала проявлять к старшему сыну исключительное внимание: осторожно анализировала каждое его слово и даже каждый взгляд, изо всех сил баловала сына без всяких пределов и постоянно корила себя, не была ли она с ним слишком строга.

А началось всё с того, почему именно маму Лу вызвали в детский сад.

Директор детского сада показал маме Лу видеозапись, запечатлевшую «самоистязание» Лу Цзяньняня — то самое, когда он, только-только переродившись, изо всех сил ущипнул себя, чтобы убедиться в реальности происходящего.

Как уже упоминалось ранее, в Детском саду Монтессори камеры были повсюду, и спальни не являлись исключением (видеонаблюдение велось только у входов в туалеты и раздевалки). Добросовестный воспитатель во время тихого часа заметил странное поведение Лу Цзяньняня и, пользуясь тем, что директор собирался просмотреть запись драки Лоу Дэнсаяня, попутно упомянул об отклонениях в поведении Лу Цзяньняня. Так они и наткнулись на этот фрагмент. Взрослым казалось, что подобные вещи не происходят лишь единожды.

— Поведение Яньняня в детском саду совершенно нормально, мы специально просмотрели записи с камер видеонаблюдения за последние дни — никаких отклонений не обнаружено. Если вам нужно, мы можем сделать для вас копию. Но мы уверены, что это не разовая реакция спросонья и не единичный случай. Если бы это была лишь минутная прихоть, он бы не

действовал так уверенно, с такой четкой целью, и всё это в точности в то время, когда воспитатель выходил из комнаты. Я пригласил вас, чтобы попытаться выяснить: не замечали ли вы чего-нибудь странного в поведении Яньня дома?

Хотя заведующий не стал говорить прямо, у Мама Лу в мыслях уже крутилось нечто подобное: такое поведение Лу Цзяньня отдавало склонностью к самоистязанию.

Мама Лу тщательно и мучительно порылась в памяти, но всё же покачала головой:

— Дома Яньня ничем не отличается от обычного, по крайней мере, когда я за ним наблюдаю.

— А не происходило ли каких-то изменений в семье или среди его друзей? Например, ссор с приятелями или каких-то перемен в семье?

Мама Лу нахмурилась, явно припоминая что-то. Если уж говорить о том, какие перемены произошли в семье в последнее время, так это рождение их с мужем общего ребенка. Этот случай учит нас тому, что никогда нельзя недооценивать то, к каким последствиям может привести любое, даже самое незначительное изменение. Если бы Лу Цзяньня знал, что из-за его привычки в моменты Перерождения машинально щипать себя мать потеряет покой от беспокойства, он бы наверняка почувствовал сильнейшую вину. К сожалению, об этом он не догадывался.

Мама Лу очень тревожилась из-за склонности сына к «самоистязанию», но больше всего её пугало то, что столь неординарное поведение могло быть вызвано появлением в семье младшего брата Лу.

По логике вещей, в семье, где уже подрастала старшая дочь, неприятие Лу Цзяньням новорожденного брата не должно было достичь столь пугающих масштабов. Но...

Обстановка в семье Лу была довольно специфической: по сути, это был повторный брак. И папа Лу, и мама Лу до встречи друг с другом имели за плечами не самый удачный опыт семейной жизни. Это прошлое помогло им быстро проникнуться болью друг друга и заложило основу для еще более глубоких чувств. Однако, какими бы гармоничными ни были их новые отношения, они не могли избежать всевозможных проблем, неизбежных в смешанной семье.

Например, Сестра Лу не была дочерью мамы Лу — именно поэтому между ними не было абсолютно никакого внешнего сходства; с чего бы ему взяться?

Сестра Лу прекрасно знала об этом. По сравнению со своей биологической матерью, которая пичкала её снотворным лишь потому, что плач и капризы девочки мешали ей, она, разумеется, куда больше любила маму Лу, для которой центр вселенной крутился вокруг дочери. А мама Лу, помня о перенесённых Сестрой Лу невзгодах, невольно стремилась во всём потакать девочке.

Лу Цзяньян тоже прекрасно это понимал, поскольку никто в доме и не думал скрывать подобные вещи. Более того, Сестра Лу сама подняла эту тему: еще в начальной школе она пересмотрела немало слезливых драм по телевизору и вынесла для себя один важный урок — в основе любых драматических конфликтов и нелепых недопониманий лежит всего лишь одно простое обстоятельство: люди упрямо не желают разговаривать друг с другом по душам. Они предпочитают всё скрывать, пока накопившиеся проблемы не выльются в нечто грандиозное.

У Сестры Лу не было ни малейшего желания становиться героиней подобных мелодрам, а мама Лу и папа Лу, разумеется, всецело уважали любые её решения.

Именно поэтому, с субъективной точки зрения самого Лу Цзяньяня, он редко ощущал эмоциональное давление со стороны старшей сестры, даже несмотря на то, что мама Лу прямо говорила сыну: если Сестра Лу покажет себя с наилучшей стороны и заслужила признание большинства членов совета директоров и семьи Лу из Хэнея, она станет бесспорной наследницей.

В семье Лу выше кровных уз ставили личные способности. Мама Лу проголосовала за это правило обеими руками.

На самом деле, Лу Цзяньян всегда чувствовал, что мама Лу больше балует Сестру Лу, поскольку та была её единственной дочерью.

Однако Лу Цзяньян ни при каких обстоятельствах не мог испытывать зависти к Сестре Лу, ведь она появилась в его жизни с самого рождения — для него она была такой же неотъемлемой частью семьи, как мама и папа.

Совсем другое дело — младший брат Лу. Он был чужаком, захватчиком, ворвавшимся в жизнь Лу Цзяньяня. Он отнимал внимание родителей и сестры, крал время, которое семья могла бы потратить на совместные прогулки с Лу Цзяньянем, а порой Лу Цзяньяню даже велели вести себя тише, потому что малыш спал.

Сестра Лу уже пережила этап, когда младенец требовал особого ухода (в то время, когда родился сам Лу Цзяньян), и потому привыкла к этому очень быстро. А вот Лу Цзяньян — далеко не факт; он вполне мог воспринять это как «предательство» даже со стороны сестры, которая не встала на его сторону.

Даже если мама Лу старалась изо всех сил сохранять баланс и относиться к детям одинаково, кто мог поручиться, что её привычные действия не вызвали у сына ложных истолкований?

Маленькие дети, в силу возраста не умея мыслить зрело, часто не способны понять истинный смысл родительских шагов, которые кажутся им несколько принудительными.

Заведующая детским садом подсказала ещё одну возможную причину: хотя папа и мама Лу перед тем, как завести третьего ребенка, советовались с дочерью и сыном и получили их

сто процентное согласие, лишь после чего начали планировать беременность, детские эмоции крайне изменчивы. Возможно, в один момент Лу Цзяньян от всего сердца хотел, чтобы у него появился братик для игр, а в следующий — уже не выносил детского плача.

Не исключено и то, что, давая согласие на младшего брата, Лу Цзяньян ещё слишком мало понимал происходящее и вовсе не представлял, сколько хлопот и перемен новая жизнь привнесёт в его привычный уклад.

Возможно, какие-то из этих перемен Яньяню пришлось совсем не по душе. Но он же уже пообещал родителям принять третьего ребенка, и это внутреннее противоречие создало для Яньяня колоссальную психологическую нагрузку. В конце концов, Яньян всегда рос послушным и разумным мальчиком: с одной стороны, ему не хотелось нарушать данное слово, с другой — он действительно не мог смириться с ситуацией. Он не умел справляться со своими эмоциями, подавлял их раз за разом, и в один прекрасный день... бах.

Заведующая была в курсе повторного брака мамы Лу и папа Лу. В своё время Сестра Лу тоже выпускалась из этого детского сада, и она с такой счастливой гордостью заявляла всем вокруг, что у неё появилась добрая-добрая новая мама, а сказки все врут — далеко не каждая мачеха непременно оказывается злой!

Мама Лу искренне полагала, что если она будет щедрее проявлять свою любовь к старшему сыну, то его состояние постепенно улучшится.

<http://bllate.org/book/21642/2233340>